

p 46
178

Дозволено цензурой. Москва, 26 ноября 1881 года.

Въ Университетской типографіи (М. Катковъ), на Страстномъ бульв.

НИГИЛИЗМЪ

КАКЪ ПАТОЛОГИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНІЕ РУССКОЙ ЖИЗНИ

М. ДЕ-ПУЛЕ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.

1881.

НИГИЛИЗМЪ

КАКЪ ПАТОЛОГИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНІЕ РУССКОЙ ЖИЗНИ

I.

Въ самомъ концѣ 50хъ и въ началѣ 60хъ годовъ, въ эпоху ознаменованную великими реформами прошедшаго царствованія, явились люди, возникли мнѣнія и взгляды на вещи прежде небывалые, неслыханные. Эти *новые* люди все существующее безусловно отрицали, никакими преобразованіями не удовлетворялись и кромѣ абсолютнаго разрушенія общественнаго порядка никакого инаго идеала не представляли. Прежде чѣмъ Тургеневъ подсказалъ названіе для этихъ *нозыахъ* людей, естественно принадлежавшихъ къ тогдашнему молодому поколѣнію, частію еще сидѣвшему на школьныхъ скамьяхъ, частію уже вступившему въ жизнь, преимущественно на поприще свободныхъ профессій,—ключка имъ была уже готова на умѣ каждаго кто только поглубже всматривался въ природу этихъ странныхъ людей; за неимѣніемъ русскаго слова иначе ихъ нельзя было и назвать какъ *нигилистами*, а ученіе ихъ—*нигилизмомъ*. Но сами они не приняли этой клички *, а назвались *реалистами* и подъ

* Латинское *nil*—ничто, слѣдовательно нуль; такимъ образомъ слово *нигилистъ* обозначаетъ человѣка ничего не признающаго, все отвергающаго.

щитомъ реализма, одновременно возникшаго, распространились и усилились поистинѣ до чудовищныхъ размѣровъ. Какъ противоположность идеальному направленію, нашъ русскій реализмъ съ перваго же своего появленія встрѣтилъ противниковъ, которые вступили съ нимъ въ борьбу. Въ этой борьбѣ нигилизмъ оставался въ сторонѣ и лишь пользовался завоеваніями дѣлаемыми реализмомъ. Реализмъ съ своей стороны, искренно или нѣтъ, отрицалъ упорно самое существованіе нигилизма и упрекалъ во враждѣ къ молодому поколѣнію тѣхъ кто еще продолжалъ настаивать на этомъ существованіи. Такая тактика привела къ результатамъ весьма выгоднымъ для распространенія нигилизма. Въ самомъ дѣлѣ, для многихъ возникли такіе вопросы: „Есть ли у насъ нигилисты? Реалисты есть и всѣмъ видимы, но вѣдь это еще не нигилисты. *Не слѣживаемъ ли мы нигилистовъ съ реалистами? Такое слѣженіе не компрометируетъ ли предъ правительствомъ и обществомъ нашу учащуюся молодежь, на которой покоятся самыя дорогія наши надежды? Ея крайности и увлеченія въ реалистическомъ направленіи не пройдутъ ли сами собою какъ и всѣ юношескія увлеченія?*“ и т. д. Удивляться такой раздумчивости нечего. Многимъ казалось совершенно достаточнымъ что въ 1866 году, послѣ покушенія Каракозова, главные притоны нигилистовъ (*Современникъ* и *Русское Слово*) были разорены и что первые основатели нигилистическаго ученія, его апостолы и проповѣдники (Чернышевскій, Добролюбовъ и Писаревъ) скоро сошли со сцены. Но ранняя смерть отцовъ нигилизма, превознесенныхъ и препрославленныхъ реалистами, не убила однакоже нигилизма; поддерживаемый реальнымъ направленіемъ въ литературѣ, онъ все шелъ въ ширь и глубь, проникалъ въ нѣдра семействъ и распространялся въ самыхъ темныхъ общественныхъ закоулкахъ. Такъ продолжалось до 70хъ годовъ, когда, къ изумленію многихъ тогдашнихъ оптимистовъ, въ судебныхъ камерахъ живьемъ появились чистокровные нигилисты — не блѣдныя, абстрактныя тѣни какихъ-нибудь реалистическихъ авторовъ, а люди плоти и крови. Проявленіе этого нигилистическаго живья не возбудило однакоже всеобщаго ужаса и нисколько не отрезвило нашихъ реалистовъ, успѣвшихъ впрочемъ перемѣнить свое названіе (на *прогрессистовъ* и *либераловъ*) и продолжавшихъ толковать и объяснять всѣ уродливыя проявленія тогдашней современности или